

УДК 330.834

Влияние фактора неопределенности на развитие экономического кризиса в России

Канд. экон. наук В. А. Рудяков¹⁾

¹⁾Байкальский государственный университет (Иркутск, Российская Федерация)

© Белорусский национальный технический университет, 2016
Belarusian National Technical University, 2016

Реферат. Наблюдая разворачивание кризиса в российской экономике, представляется, что одна из причин падения уровня экономического развития – возрастающая степень неопределенности. Эта ситуация негативным образом влияет на инвестиционные процессы и мультиплицируется во все возрастающем недополучении национального дохода. Высокая неопределенность блокирует вложения в капиталоемкие и специфичные активы, вынуждая субъектов переводить ресурсы в финансовый сектор, зачастую за пределы экономики. Косвенным подтверждением такой ситуации является 49 % износа промышленных фондов. В сфере добычи полезных ископаемых степень износа российских основных фондов 53,2 %, в том числе полностью изношенных – 22,9 %. При коэффициенте обновления в отрасли чуть более 6, а коэффициенте выбытия 0,9 ситуация выглядит катастрофической. Причин такого положения (особенно в экономической сфере), конечно, много. Одной из них является то, что в рамках господствующей в экономической науке неолиберальной идеологии с ее упором на автоматическое стихийное приспособление фактически нет места разработкам рекомендаций по сознательному повышению эффективности адаптации к неопределенности. Ведь если считать, что рынок ведет всю систему к наиболее оптимальному состоянию равновесия, потребности в таких разработках просто не возникает. Основная цель представленной работы – показать, насколько фактор неопределенности усугубляет кризисные тенденции в российской экономике. Используя кейнсианский метод анализа и разделяя всю массу сбережений на инвестиционные и тазаврируемые, автор привел доказательства, что в России сформировался очень низкий уровень адаптивной эффективности, отражающей долгосрочную способность экономики успешно приспособливаться к изменяющимся внутренним и внешним условиям без ущерба для реализации намеченных целей и задач. Именно это и делает текущий кризис настолько тяжелым. Подробно рассматривается применимость различных методов государственного регулирования при высоком уровне неопределенности.

Ключевые слова: кейнсианство, инвестиции, сбережения, экономический кризис, тазаврация, мальтузианская ловушка, адаптивная эффективность, институционализм

Для цитирования: Рудяков, В. А. Влияние фактора неопределенности на развитие экономического кризиса в России / В. А. Рудяков // *Наука и техника*. 2016. Т. 15, № 2. С. 164–170

Influence of Uncertainty Factor on Development of Economic Crisis in Russia

V. A. Rudyakov¹⁾

¹⁾Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation)

Abstract. Observing development of the crisis in the Russian economy, it appears that one of the reasons for the decline in the economic development is an increasing degree of uncertainty. The situation affects investment processes and multiplies itself in a growing deficiency of national income. High uncertainty blocks investments in capital-intensive and specific assets and makes economic entities transfer their resources into financial sector and, most often, outside the economy. 49 % of fixed industrial assets depreciation is an indirect proof of this situation. Depreciation of the Russian fixed assets in mining operations is 53.2 %, which includes 22.9 % of fully depreciated assets. At present, when the coefficient of renewal in this branch of

Адрес для переписки

Рудяков Василий Анатольевич
Байкальский государственный университет
ул. Ленина, д. 11/2,
664003, г. Иркутск, Российская Федерация
Тел.: +7 395 225-55-50
fmined@mail.ru

Address for correspondence

Rudyakov Vasily A.
Baikal State University
11/2 Lenin str.,
664003, Irkutsk, Russian Federation
Tel.: +7 395 225-55-50
fmined@mail.ru

industry is a little more than 6 and the coefficient of retirement is 0.9, the situation seems to be disastrous. There are a lot of reasons for such situation, especially in the economic sphere. One of them is that within the neoliberal ideology dominating in the economic science with its emphasis on the automatic spontaneous adaptation there is actually no place for development of recommendations for a willful increase in efficiency of adaptation to uncertainty. After all, if we consider that the market leads the entire system to the most optimum equilibrium state, a need for such development simply does not arise. The main objective of this work is to show how the uncertainty factor increases recessionary trends in the Russian economy. Applying Keynesian analysis technique and dividing all savings into investment and hoarding ones, the author proves that Russia has a very low level of adaptive efficiency which reflects long-term ability of the economy to adjust successfully to changing internal and external conditions without any detriment to the implementation of the intended targets and tasks. It is a low level of adaptive efficiency that makes the current crisis so severe. The application of different methods for government regulation when there is a high level of uncertainty has been studied in details.

Keywords: keynesianism, investments, savings, economic crisis, hoarding, malthusian trap, adaptive efficiency, institutional theory

Forcition: Rudyakov V. A. (2016) Influence of Uncertainty Factor on Development of Economic Crisis in Russia. *Science & Technique*. 15 (2), 164–170 (in Russian)

Введение

Многие современные макроэкономические рекомендации строятся на базовой неоклассической предпосылке тождества инвестиций и сбережений. В то же время наблюдение реальных экономических процессов, например в экономике России, показывает, что такое равенство далеко не является правилом. Особо остро проблема стоит в российской экономике ввиду тотального острого дефицита инвестиций в реальный сектор при наличии весьма значительных сбережений в стране. Так, можно отметить, что в 2014 г. валовое сбережение составило 16,3 трлн руб. (22,9 % от ВВП), а валовые накопления 14,7 трлн руб. (20,6 % от ВВП) [1]. Разрыв в 2,3 % от ВВП между сбережениями и инвестициями вполне сопоставим с такими государственными расходами в 2013 г. как, например, «Национальная оборона» (2,72 %), «Здравоохранение» (2,45 %) или «Социальная политика» (1,92 %). Если использовать модель инвестиционного мультипликатора, рассчитанного посредством однофакторной линейной регрессии [2], то полные потери составляют (при мультипликаторе 1,72) 2,75 трлн руб. недополученного дохода за 2014 г.

Основная гипотеза, которой придерживаются, носит кейнсианский характер и состоит в том, что хотя общие сбережения частного сектора находятся в прямой зависимости от полученного дохода, однако частные субъекты, действующие в денежной экономике, направляют свои сбережения на инвестиции не в полном объеме и зачастую по «остаточному принципу». Определенная часть сбережений тазаврируется из соображения «предпочтения ликвид-

ности», и доля таких сбережений функционально зависит от колебаний уровня неопределенности в экономике.

Формирование процессов капиталообразования в России с позиций кейнсианства

Целесообразным представляется разделить весь объем сбережений на две части, которые условно назовем:

- инвестиционные сбережения – часть прошлого дохода, непотраченного на потребление, которая может стать инвестициями при соблюдении ряда условий (в первую очередь удовлетворенности ставкой процента);
- тазаврируемые сбережения – часть полученного дохода, непотраченного на потребление, сознательно выводимая субъектами из инвестиционного процесса в целях «предпочтения ликвидности» в условиях неопределенности.

На основе предложенного деления сбережений и опираясь на показатели системы национальных счетов (СНС) [1] и платежного баланса [3], предлагается схема сбалансированного национального капиталообразования, представленная в табл. 1.

В соответствии с рассматриваемым подходом в представленной системе обеспечение ликвидности и суррогатных накоплений происходит за счет тазаврации части национальных сбережений. И суррогатные средства накопления, и деньги, сберегаемые из мотива предосторожности, конечно же, не являются макроэкономическими инвестициями в строгом смысле этого слова, так как не создают в национальной экономике ни производственной ак-

тивности, ни дополнительного дохода, ни занятости. Основная задача таких инвестиций – обеспечивать процессы тезаврации, неизбежные в открытой экономике с ненулевым (положительным) уровнем неопределенности.

Таблица 1

**Схема национального капиталообразования
в открытой денежной экономике**

**Scheme of national capital formation
in open money economy**

Ресурс	Использование
1. Валовое внутреннее сбережение, в том числе частное государственное 2. Чистые скрытые внешние сбережения частного сектора	<p><i>Валовое накопление по мотивам дохода</i></p> <p>1. Валовые инвестиции за счет сбережений, в том числе валовое накопление основного капитала изменение запасов чистое приобретение непроизводственных нефинансовых активов</p> <p>2. Накопление доходных финансовых активов</p> <p><i>Валовое накопление по мотивам предосторожности</i></p> <p>1. Внутреннее суррогатное накопление 2. Внешнее суррогатное накопление 3. Накопление ликвидности</p>
<i>Всего валовое национальное сбережение</i>	<i>Всего валовое национальное накопление</i>

Для объективной оценки процессов тезаврации дальнейшему анализу подвергли только частные сбережения. Создание государственных фондов с вынесением средств за рубеж, несомненно, также может быть отнесено к тезаврации сбережений. Однако такую тезаврацию по зрелому размышлению, очевидно, сложно назвать функционально зависимой от текущего уровня неопределенности, поскольку мотивы государственного сбережения имеют существенные отличия от частных, а сама величина текущих госсбережений и их тезаврация зависят больше от государственной политики, дефицита, профицита, валютных курсов и т. д. Помимо традиционных валовых,

в частные тезаврируемые сбережения также включали некоторые из элементов «чистого вывоза капитала». Речь идет в первую очередь о статье платежного баланса «Сомнительные операции», включаемой ЦБ РФ в чистый вывоз капитала нефинансовыми секторами. Эти операции можно отнести к частным, внешним, суррогатным, скрытым (внелегальным), преднамеренным, тезаврируемым сбережениям. Включение «сомнительных операций» обусловлено также тем, что в СНС эти суммы идут не по графе «Сбережение», а учитываются по другим строкам.

В банковском секторе также очевидно формируются тезаврируемые сбережения. Здесь имеются в виду внешние чистые депозиты, которые выводятся посредством банков из национальной финансовой системы как раз из мотивов предосторожности. К внутреннему суррогатному накоплению отнесли и показатель СНС «Чистое приобретение ценностей», под которым понимаются предметы, обладающие способностью сохранять стоимость в течение длительного периода (драгоценные металлы и камни, ювелирные изделия, антиквариат и т. п.).

Немаловажно и то, что сбережение наличных денег из мотива предосторожности в России традиционно ведется как в рублях, так и в иностранной валюте (по причине высоких временных издержек хранения наличных рублей – в виде инфляции, девальвации и т. д.). Таким образом, в накопление ликвидности включали как сбережения, сохраняемые физическими лицами в наличных рублях, так и объем сбережения наличной валюты населением [3]. Чтобы оценить связь этих сбережений с неопределенностью, воспользуемся результатами выборочных обследований факторов, ограничивающих инвестиционную активность, ежегодно проводимых Федеральной службой государственной статистики [1]. Среди оцениваемых показателей есть и такой, как «Неопределенность экономической ситуации в стране». Количество субъектов (в процентах от общего числа организаций), отметивших этот пункт, и будет в какой-то мере показывать текущий уровень неопределенности, а точнее, уровень ее влияния на принимаемые решения (табл. 2).

Капиталообразование в российской экономике (млрд руб.)
Capital formation in Russian economy (RUB. bln)

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Валовое сбережение	12452	8188	12206	16500	16944	16187
Скрытые внешние сбережения частного сектора	1256	778	786	976	1206	843
Государственные сбережения	5443	1162	1919	4884	4313	3122
Частные валовые национальные сбережения	8265	7804	11073	12593	13837	13908
Накопление «ликвидности» в рублях	92	110	634	581	3	332
Накопление «ликвидности» в иностранной валюте	1179	473	166	527	897	753
Внешние чистые депозиты	1168	896	-425	518	-305	268
Внутреннее суррогатное накопление частным сектором	95	107	123	143	163	181
Внешнее суррогатное накопление частным сектором	1256	778	786	976	1206	843
Частное национальное накопление по мотивам предосторожности	3790	2365	1285	2745	1964	2377
Частное национальное накопление по мотивам дохода	4475	5439	9788	9848	11873	11531
ИТОГО частное валовое национальное накопление	8265	7804	11 073	12593	13837	13908
Валовой располагаемый доход (ВРД)	39996	37457	44721	54029	59921	63345
ВРД госсектора	12803	9228	10591	14986	16202	16143
ВРД частного сектора	27192	28229	34130	39043	43719	47202

Результаты проведенного анализа показали, что в России не наблюдается ярко выраженной зависимости между уровнем доли сбережений, тезаврируемой частными субъектами, и величиной неопределенности. Так, в 2011 г. неопределенность падала, а тезаврируемые сбережения нарастали. Однако предельный анализ обнаруживает, что среди российских субъектов существует четкая прямая зависимость между одним из показателей колебания уровня неопределенности и изменениями тезаврируемых сбережений (рис. 1).

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод, что российские субъекты не нейтральны не к уровню неопределенности как к таковому, а к его колебаниям. Если темп роста неопределенности выше темпа роста доли частных тезаврируемых сбережений, отечественный бизнес относительно нейтрален к неопределенности и/или преобладают оптимистические настроения, что приводит к развитию позитивных экономических процессов (в первую очередь – инвестиционных). В таком случае можно говорить, что адаптации внутри системы проистекают успешно. Как видно из рис. 1, уровень адаптивной эффективности национальной экономики весьма далек от удовлетворительного.

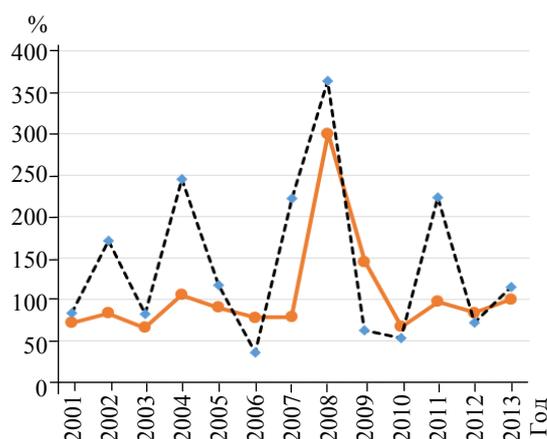

Рис. 1. Оценка темпов колебаний неопределенности и процессов тезаврации в России:

- — темп роста неопределенности;
 - ◆--- — темп роста частных тезаврируемых сбережений
- Fig. 1. Evaluation of uncertainty deviation rates and hoarding processes in Russia:
- — uncertainty growth rate;
 - ◆--- — growth rate of private hoarding savings

Последствия повышения уровня неопределенности для российской экономики

Особую тревогу вызывают тенденции, наблюдаемые в настоящее время. Эксперты в области капиталообразования отметили, что ожидания респондентов относительно собственных инвестиций в 2015 г. оказались еще песси-

мистичнее, чем в 2014 г. Если в 2014-м инвестиции в основной капитал не производили 10 % промышленных предприятий, то в 2015 г. от инвестиций отказались уже 16 % субъектов. Упор в исследованиях подобного рода делался на просто галопирующий рост показателя фактора «неопределенность экономической ситуации в стране» в декабре 2014 г. – январе 2015 г. Резкое увеличение запрещающего влияния этого фактора особо отметили руководители металлургических комплексов (50 % к концу 2014 г., 37 % в 2013 г.); производства транспортных средств (51 % против 36 %); производства резины и пластмассовых изделий (48 % против 34 %); химического производства (40 % против 31 %); производства кокса и нефтехимии (42 % против 30 %) [4, с. 4, 5].

Учитывая изложенное, а также некоторые геополитические тенденции, можно говорить о том, что существует опасная тенденция вхождения России в так называемую мальтузианскую ловушку. Суть ее состоит в том, что «на низком уровне развития сбережения настолько незначительны, что их хватает только на то, чтобы сделать инвестиции в возмещение выбытия основного капитала и создание рабочих мест для новых рабочих, которые вливаются в рабочую силу в результате роста населения. Тонкость здесь состоит в том, что сами темпы роста населения зависят от ВВП на душу населения или производительности труда: если сбережения увеличиваются и ВВП возрастает, то повышается и рождаемость, что заставляет тратить сбережения на создание новых рабочих мест для растущего населения, так что на увеличение капитала на одного занятого (капиталовооруженности), которое и определяет динамику производительности труда, сбережений уже не остается» [5, с. 35–36]. В рассматриваемом случае прирост трудовых ресурсов обеспечен не только демографической ситуацией, но и миграционными потоками (например, в связи с ситуацией на Украине).

На первый взгляд, нет ни логического, ни статистического подтверждения нахождения (либо вхождения) России в мальтузианскую ловушку*. Однако, как показывает Л. Е. Гринин,

* Типичная мальтузианская ловушка характерна для доиндустриальных сложных аграрно-ремесленных обществ с ярко выраженными эффектами отрицательных масштабов производства от использования предельного основного фактора (земли).

в ряде случаев возможно наблюдать мальтузианско-марксовую форму ловушки, когда «проблема перенаселения является не фатальной, а скорее социальной, поскольку рост ВВП на душу населения не отстает от роста населения или даже обгоняет его. Однако быстрая динамика экономики и урбанизации требует существенных трансформаций в политическом строе, правовой системе и пр.» [6, с. 6]. К тому же известны исторические примеры Китая и Индии, которые в Средние века, торгуя пряностями, создавали огромную массу накоплений, превращая их не в инвестиции, а в «храмовые сокровища».

Таким образом, речь идет о возможной «мальтузианско-институциональной» ловушке, для которой будет характерно «устойчивое равновесие, когда любой избыток средств, повышающий капиталовооруженность производства и душевой доход, ведет к росту населения и спроса на инвестиции в создание новых рабочих мест, что на следующем витке процесса приводит к обнулению инвестиций в технологические инновации и блокировке роста душевых доходов» [7, с. 59]. Однако причина лежит не только в плоскости роста трудовых ресурсов, но и в низком качестве национальной институциональной среды, что особо проявляется в виде недостатка адаптивной эффективности, особо негативного влияния неопределенности, низкого уровня институтов, недостатка доверия между бизнесом и государством и т. д.

Для преодоления наметившихся негативных тенденций в краткосрочном периоде рекомендуется прямое участие государства в качестве инвестора либо сберегателя. В длительном периоде – снижение уровня неопределенности путем повышения «качества», стабильности и внутренней непротиворечивости институциональной среды.

Что касается текущего государственного регулирования экономики, здесь все не так однозначно. При повышенном уровне неопределенности бизнес будет осуществлять вложения средств в объекты с относительно низкой степенью специфичности, а сумма инвестиций, требуемых для удовлетворения ожидаемого спроса, окажется гораздо меньше доступных сбережений. Если предприниматели начнут инвестировать в объекты с большей степенью

специфичности (и соответственно более капиталоемкие), это приведет к тому, что предельная эффективность от дополнительной спецификации активов станет меньше цены такой спецификации, что будет невыгодно предприятиям [8, с. 49–52]. Если же степень специфичности инвестиций снизится, возникнет избыток сбережений. Этот избыток сбережений трактуется как вынужденное тезаврирование. В свою очередь, такие сбережения могут усилить мотив спроса на деньги из предосторожности.

В открытой экономике избыточные сбережения (полностью или частично) могут быть выведены за ее пределы – в другие экономические системы, где, с точки зрения владельцев сбережений, сложились более предпочтительные условия.

В случае попыток саморегуляции избыток сбережений может быть частично перераспределен в пользу альтернативных (спекулятивных) рынков. Одновременное падение ставки процента снизит издержки бизнеса, позволит ему инвестировать в более специфичные активы и как следствие снизит избыток сбережений и нарастит суммы инвестиций. Однако подобное снижение не может продолжаться до бесконечности (объективный предел – падение процента до нуля). В случае, если при этом не будет достигнуто новое равновесие, очевидно можно будет сказать, что состояние системы станет негативно устойчивым в том плане, что $I < S$. В самом предельном случае возможно начало кризиса перепроизводства. К тому же часть избытка сбережений уйдет в транзакционный сектор. В конечном итоге изложенная ситуация приведет к повышенному инфляционному давлению на систему.

Таким образом, в этой ситуации государственная политика «удешевления денег» может иметь все шансы усугубить избыточность сбережений. Выход из подобного парадокса посредством политики «дорогих денег» можно объяснить попытками сдерживать инфляцию (или, например, снизить отток ресурсов в открытой экономике). Все это может замедлить модернизационные процессы в экономике и скорость внедрения результатов научно-технического прогресса в производственную сферу, снизив потенциал и качество экономического роста (вплоть до полной его остановки). Также,

очевидно, могут возникнуть проблемы с возрастанием уровня безработицы.

ВЫВОДЫ

1. Развитие текущего кризиса в России протекает на фоне возрастающей неопределенности, что неизбежно ведет к «бегству» сбережений в тезаврируемую форму. Основные причины «бегства» российских сбережений – более низкий уровень неопределенности в тех или иных сопредельных экономиках и более низкая нейтральность отечественных субъектов к неопределенности по сравнению с их зарубежными коллегами. Эта нейтральность, в свою очередь, зависит от качества, непротиворечивости и стабильности национальных формальных и неформальных институтов, наличия действующих институциональных ловушек и т. д. Особую роль в сложившейся ситуации играет то, что в российской практике до сих пор продолжают доминировать «хищный» и «оппортунистический» типы капиталистов, которые могут накапливать богатство только за счет перераспределения того, что создано другими, а также за счет нарушения норм, правил и контрактов [9, с. 36]. Для подобного типа капиталистов характерны следующие черты: неподчинение государству, краткосрочная модель поведения, отказ от инвестиций в капитальные активы (вплоть до невозмещения износа), концентрация сбережений в неорганизованной (тезаврируемой) форме с последующим выводом их за пределы национальной экономики.

2. Для анализа протекающих процессов и более корректных рекомендаций по макроэкономическому планированию и прогнозированию автором предложена методика анализа капиталобразования в кризисной экономике. Этот метод существенно отличается от общепринятого неоклассического анализа. Он позволяет на количественных показателях оценить реакцию субъектов на колебание уровня неопределенности, их нейтральность к неопределенности.

3. На основе предельного анализа можно сделать вывод о низкой адаптивной эффективности российской экономики в 2000–2013 гг., что существенно усиливает негативное влияние

кризисных процессов. Это также подтверждено количественными оценками ожидания респондентов относительно собственных инвестиций в 2015 г.

Из дополнительных преимуществ предложенного метода анализа следует отметить то, что он базируется на стандартных СНС и счетах платежного баланса.

4. Проведенный анализ показал, что в сложившихся условиях активное манипулирование денежно-кредитной политикой не даст очевидного эффекта. Предпочтительными для ликвидации избытка сбережений стали бы меры по стимулированию совокупного спроса (снижение налогов на потребителей и увеличение госрасходов)*. Очевидное негативное последствие подобных действий хорошо известно – возникновение дополнительных стимулов для инфляции спроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальные счета России в 2007–2014 гг. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_15/Main.htm. Дата доступа: 15.10.2015.
2. Шеховцова, Ю. А. Моделирование зависимости ВВП от инвестиций в условиях современной российской экономики / Ю. А. Шеховцова // Экономические науки. 2012. № 1 (86). С. 172–177.
3. Годовой отчет Банка России [Электронный ресурс] // Центральный банк Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/publ/?PrId=god>. Дата доступа: 15.10.2015.
4. Остапкин, Г. Инвестиционная активность крупных и средних российских промышленных производств в 2014 г. / Г. Остапкин, И. Лолла // Инвестиции в России. 2015. № 4. С. 3–10.
5. Попов, В. В. Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему Китай сегодня догоняет Запад? Новый ответ на старый вопрос / В. В. Попов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 3. С. 35–66.
6. История и математика: о причинах русской революции / под ред. Л. Е. Гринина, С. Ю. Малкова, А. В. Коротаева. М.: Стереотип, 2010. 432 с.

* В рассматриваемой ситуации могло бы оказать временное позитивное воздействие развитие сектора потребительского кредитования. В этом случае усилятся предпринимательские ожидания по поводу роста спроса, а избыток сбережения перейдет в потребительский сегмент кредитования. Однако все это в условиях санкций и падения реальных доходов сомнительно.

7. Балацкий, Е. В. Институциональная дилемма в период первоначального накопления капитала / Е. В. Балацкий // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 58–69.
8. Рудяков, В. А. Анализ и оценка эффективности адаптаций к неопределенности в российской экономике / В. А. Рудяков. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. 126 с.
9. Ольсевич, Ю. Экономическая теория и природа человека: становится ли тайное явным? / Ю. Ольсевич // Вопросы экономики. 2008. № 12. С. 27–42.
10. Российский статистический ежегодник: [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078. Дата доступа: 15.10.2015

Поступила 20.10.2015

Подписана в печать 04.01.2016

Опубликована онлайн 30.03.2016

REFERENCES

1. National Accounts in Russia for the Period of 2007–2014. *Federal State Statistics Service*. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_15/Main.htm (Accessed 15 October 2015) (in Russian).
2. Shekhovtsova Yu. A. (2012) Modeling of GDP Dependence on Investments Under Conditions of the Modern Russian Economy. *Ekonomicheskie Nauki* [Economic Sciences], (1), 172–177 (in Russian).
3. Annual Report of Bank of Russia. *Central Bank of Russia*. Available at: <http://www.cbr.ru/publ/?PrId=god> (Accessed 15 October 2015) (in Russian).
4. Ostapkin G., Lolla I. (2015) Investment Activity of Large and Medium-Sized Russian Industrial Enterprises in 2014. *Investitsii v Rossii* [Investments in Russia], (4), 3–10 (in Russian).
5. Popov V. V. (2012) Why Has the West Become Richer Earlier Than Other Countries and Why is China Overtaking the West? New Answer to the Old Question. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii* [Journal of New Economic Association], (3), 35–66 (in Russian).
6. Grinin L. E., Malkov S. Yu., Korotaeva A. V. (2010) *History and Mathematics: about the Reasons of the Russian Revolution*. Moscow, Stereotip. 432 (in Russian).
7. Balatsky E. V. (2013) Institutional Dilemma in the Period of Initial Capital Accumulation. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii* [Journal of Economic Theory], (4), 58–69 (in Russian).
8. Rudyakov V. A. (2015) *Analysis and Evaluation of Efficiency in Adaptation to Uncertainty in Russian Economy*. Irkutsk: Publishing House of BSUEL [Baikal State University of Economics and Law]. 126 (in Russian).
9. Olsevich Yu. (2008) Economic Theory and Natural Man: Does a Secret Become Apparent? *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issues], (12), 27–42 (in Russian).
10. Russian Statistical Yearbook. *Federal State Statistics Service*. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (Accessed 15 October 2015) (in Russian).

Received: 20.10.2015

Accepted: 04.01.2016

Published online: 30.03.2016